

Языковая политика в странах ближнего зарубежья

Н.В. Юдина^а, М.В. Мельничук^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-7305-6959>;

^б <https://orcid.org/0000-0002-7720-7443>

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены изменения, происходящие в языковой политике стран ближнего зарубежья, направленные на укрепление национальных интересов и снижение значимости русского языка. Авторами проанализирован ряд стран постсоветского пространства с разным уровнем интеграции русского языка, происходящей под влиянием как политических, так и экономических факторов. Целью статьи является определение значимости русского языка в языковой политике стран ближнего зарубежья. Для обозначения официальной позиции органов государственной власти в области распространения русского языка были изучены особенности проводимой политики в Республике Молдова, Грузии, Казахстане и странах Прибалтики. Методология проведенного исследования базируется на общенаучных методах познания: индукции, дедукции и методе сравнительного анализа, которые подкреплены графическим методом визуализации данных. Материалы, изложенные в статье, позволяют сделать вывод об изменении языковой политики стран ближнего зарубежья и закономерном смещении акцентов с преобладания и признания русского языка в развитии многонациональных культур исследуемых стран к укреплению значимости английского языка как инструмента интеграции в мировое экономическое пространство.

Ключевые слова: языковая политика; страны ближнего зарубежья; интеграция; национальные меньшинства; русский язык

Для цитирования: Юдина Н.В., Мельничук М.В. Языковая политика в странах ближнего зарубежья. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):66-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-66-71

Language policy in Former Soviet Republics

N.V. Yudina^а, M.V. Melnichuk^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-7305-6959>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7720-7443>

ABSTRACT

The article considers the changes in the language policy of the neighbouring countries aimed at strengthening national interests and reducing the importance of the Russian language. The authors analyze several post-Soviet countries with different levels of integration of the Russian language under the influence of both political and economic factors. The purpose of the article is to determine the significance of the Russian language in the language policy of neighbouring countries. To determine the official position of state authorities on the dissemination of the Russian language in neighbouring countries, we studied the specifics of the policy in the Republic of Moldova, Georgia, Kazakhstan and the Baltic States. The methodology of the research we based on general scientific methods of cognition: induction, deduction, and comparative analysis, which are supported by a graphical method of data visualization. The materials presented in the article allow us to conclude the change in the language.

Keywords: language policy; neighbouring countries; integration; national minorities; Russian language

For citation: Yudina N.V., Melnichuk M.V. Language policy in former soviet republics. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):66-71. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-66-71

Языковая политика по праву признается одним из главных элементов государственной политики, направленных на признание и использование официальных языков, включая национальные языки меньшинств. После распада Советского Союза в странах ближнего зарубежья была сформирована собственная языковая политика, при которой русский язык сохранил свою значимость и распространенность, поскольку продолжал использоваться значительной частью населения [1, 2]. Однако с течением времени в силу различных геополитических факторов значимость русского языка стала снижаться, а государственная национальная языковая политика претерпела трансформацию, в результате которой русскому языку отводилось все меньшее пространство [3, с. 165].

В постсоветской *Молдове* изменение языка стало результатом языкового планирования, направленного на выбор и стандартизацию официального языка одновременно с процессом обретения независимости и перехода к демократии. В то время как русский язык служил для официального общения, а также для неформального взаимодействия между людьми, он должен был быть заменен языком большинства — молдавским.

Официальный статус, предоставленный языку большинства, воспринимался как возможное препятствие для социальной интеграции и восходящей социальной мобильности меньшинств, принявших русский язык в качестве языка общения (болгар, гагаузов, русских и украинцев) [4].

В этой связи лингвистическое обеспечение законодательства предоставило русскому языку статус языка межнационального общения и, как повествуют литературные источники, разделило общество на множество изолированных общин, что способствовало возникновению определенного конфликта между языковыми сообществами и правящей элитой [4]. Данные причины послужили предпосылкой исключения русского языка из числа предметов, являющихся обязательными в общеобразовательных школах, однако сохранили возможность использования русского языка для общения с людьми из других постсоветских стран.

Язык, признанный мощным маркером национальной идентичности, стал решающим фактором в межэтнических отношениях в процессе

национального становления *Грузии*. Реформы 80-х гг. прошлого столетия привели к резкой политизации национализма, и языковая политика Грузии трансформировалась в национальное движение за политическую независимость. Государственные реформы стали отражать прозападную и проевропейскую политику грузинского правительства (http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.ojs-doi-10_14746_pp_2014_19_3_13/c/2937-2920.pdf).

И несмотря на то что Грузия на протяжении веков была многонациональной страной, современная языковая политика стала тяготеть к укреплению государственности благодаря ограничению распространения русского языка. С учетом проводимой Грузией языковой политики, переход к грузинскому языковому образованию стал основной целью языковых реформ. Внедрение государственного языка в общее образование предусмотрено законодательством страны. Согласно статьям 4 и 7 Закона Грузии «Об общем образовании» все граждане Грузии имеют право на получение общего образования на государственном или родном языке. Тот же закон, однако, требует, чтобы государственный язык использовался в качестве языка для ведения предметной деятельности.

Вместе с тем в Грузии знание русского языка рассматривается как преимущество. Язык является хорошим инструментом для поиска работы. Кроме того, русский язык позволяет изучать первоисточники научной и публицистической литературы. Русский язык по-прежнему преподается в школах [5], а в Тбилисском университете открыта русская секция для студентов из соседних стран, которые намерены изучать Кавказское регионоведение.

В *Прибалтике* после восстановления независимости в 1990-е гг. процент русскоязычного населения был довольно высоким, особенно в Латвии (45%) и Эстонии (55%) от общей численности населения (<https://core.ac.uk/download/pdf/85219184.pdf>).

Миграционные процессы значительно повлияли на состав населения Латвии. Латышский язык играет социально-языковую роль в государстве, тем не менее, русский язык сохраняет свое значение, значительно уступая при этом английскому. Важность этих языков в языковой ситуации определяется многочисленными взаимосвязанными факторами,

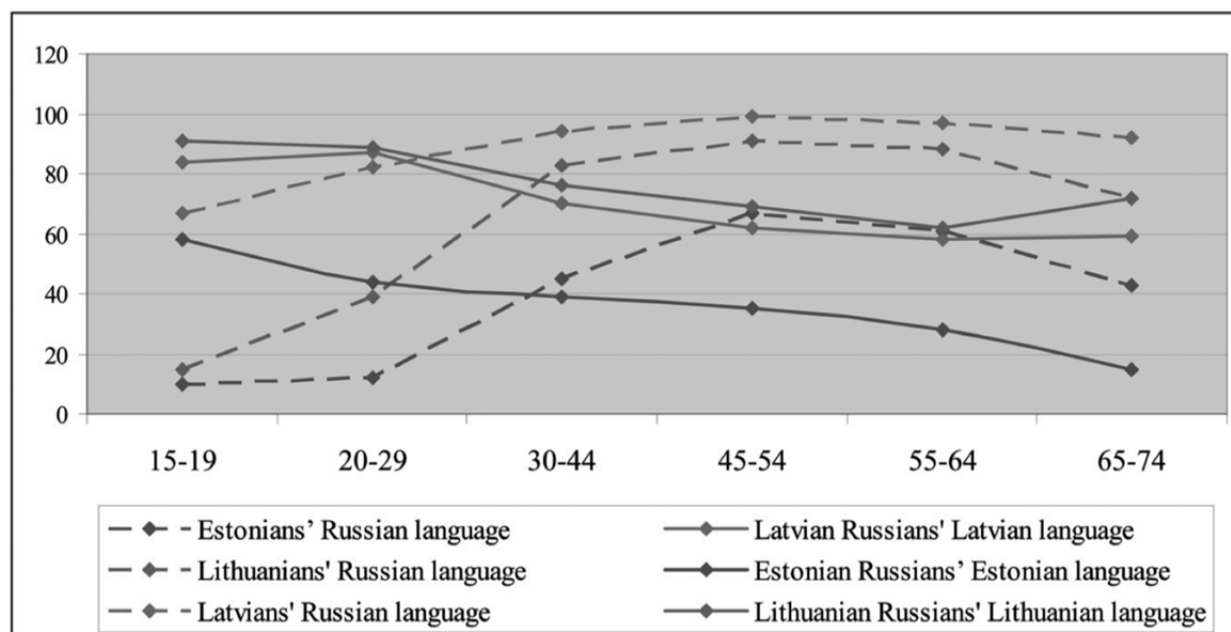

Рис. / Fig. Знание в зависимости от возраста (самооценка) активного языка в странах Балтии в 2011 г. (процент людей в каждой возрастной группе, которые утверждают, что владеют языком свободно или способны понимать, говорить и писать на опрашиваемом языке) / Knowledge by age (self-esteem) of active language in the Baltic States in 2011 (percentage of people in each age group who claim to be fluent in the language or able to understand, speak and write in the surveyed language)

Примечание: пунктирные линии – самооценка коренного населения русского языка; сплошные линии – самооценка носителями русского языка государственного языка принимающей страны.

Note: dotted lines – self-assessment of the indigenous population of the Russian language; solid lines – self-assessment by Russian speakers of the state language of the host country.

Источник / Source: URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/85219184.pdf>.

такими как владение языком среди населения, реальные социально-языковые функции языков, языковые установки и языковой статус [6]. Языки, конкурирующие с латышским, русским и английским, характеризуются несколькими особенностями (<https://core.ac.uk/download/pdf/85219184.pdf>):

- общие: оба являются «мегаязыками», широко используются в качестве международных и региональных средств общения, традиционно изучаются как языки L2;
- разные: (не) существование языковой самодостаточной языковой группы, шкала индивидуального билингвизма среди латышей, реальные социолингвистические функции, генезис контактной ситуации, лингвистическое отношение.

Повседневное использование языка является одним из аспектов языковой конкуренции [7], и конкурентоспособность латышского языка нельзя рассматривать как позитивную. Учитывая тот факт, что при общении с русскоязычными людьми латыши предпочитают

использовать русский язык, в то время как не все русскоязычные люди, знающие государственный язык, готовы его использовать [8], конкурентоспособность латышского языка может быть поставлена под угрозу.

Русский язык становится все более конкурентоспособным по сравнению с латышский языком, и современные миграционные тенденции усиливают эту конкуренцию.

Знание русского языка в прибалтийских странах представлено на рисунке. В Латвии знание государственного языка значительно возросло благодаря установленным требованиям к профессиональному языку, реформированной системе образования меньшинств, языковой подготовке взрослых и контролю за использованием языка в публичном пространстве.

Но лингвистические практики как русскоязычных, так и этнических латышей менялись довольно медленно: русский язык по-прежнему широко используется в полугосударственной и частной сферах, а также в межэтническом устном общении.

**Языковые практики русскоязычных в общении с носителями эстонского и латышского языков
(друзья и коллеги)**

Коммуникации на работе		Коммуникации с друзьями	
Эстонский русскими, %	Латвийский русскими, %	Эстонский русскими, %	Латвийский русскими, %
Только эстонский / латвийский	11,5	6	5
Смешанное использование	64	66	50
Только русский	24,5	28	45

Источник / Source: URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/85219184.pdf>.

Смешанное использование латышского и русского языков увеличилось на рабочих местах в пользу одноязычного общения (только на русском или только на латышском языке). В результате изменение лингвистической практики среди русскоязычных потребовало от латышей более частого переключения кода. Позиция русского языка в Латвии сильна на протяжении нескольких поколений, что может быть препятствием (мешающим русскоязычным овладеть латышским языком) или мостом (способствующим успешному общению посредством совместного использования русского языка).

Что касается Литвы, то события в этом государстве развивались несколько иначе. Учитывая, что, по данным переписи 1989 г., около 79% жителей принадлежали к коренному населению (в то время как этнические русские составляли лишь около 10%), вполне естественно, что языковая проблема в данной стране стояла менее остро, чем в Эстонии и Латвии. Соответственно, после обретения независимости Литва не ввела возрастных требований и не начала процесс натурализации, который был фактически обречен на провал в будущем. Это свидетельствует о том, что вопрос о языке в Литве носил менее политизированный характер. Знание родного языка стало обязательным, хотя оперировать на определенном уровне (в транспорте, магазинах и т.д.) на каких-либо других языках не было запрещено. Кроме того, литовское правительство приняло закон о необходимости обучения в средней школе всех желающих родному языку — независимо от их этнического происхождения (<https://core.ac.uk/download/pdf/85219184.pdf>).

В Эстонии инструментальная мотивация преобладает над интегративной ориентацией в стремлении овладеть национальным языком. Русские, владеющие эстонским языком, обычно считают свои знания государственного языка низкими. Уровень их владения эстонским языком статистически значимо связан с возрастом. Это указывает на важность личных (образовательных и экономических) ресурсов в этом отношении. Фактически владение эстонским языком в значительной степени связано с социальным статусом русскоязычных эстонцев и их уверенностью в собственных экономических перспективах (<https://rm.coe.int/language-education-policy-profile-estonia/16807b3c38>). При сравнении социального профиля тех, кто знает язык, и тех, кто обладает пассивной языковой компетенцией, очевидна более высокая социальная позиция первых (см. таблицу).

Этнические группы в *Казахстане*, говорящие на 124 языках (кроме казахского и русского), составляют всего 13,2% населения страны, и языковая ситуация явно сосредоточена вокруг двух мощных коммуникативных языков: казахского и русского. Гармоничная языковая политика изложена в проекте «Функционирование и развитие языков Казахстана на 2011–2020 годы», который обеспечивает полномасштабное функционирование государственного языка как важнейшего фактора укрепления национального единства и сохранения языков всех этносов, проживающих в Казахстане.

В настоящее время в Казахстане происходит решительная перестройка языков, особенно в изменении их доли в функционировании

и обучении. Очевидные изменения наблюдаются и в специфике применения русского языка. Кроме того, в соответствии с современными требованиями и глобализацией все больший приоритет отдается английскому языку. Русский язык занимает достаточно стабильное положение в Казахстане, а английский является языком успешной интеграции в мировую экономику и науку. Однако, помимо двух мировых языков — английского и русского — в Казахстане растет престиж китайского и турецкого языков [9].

Одним из основных направлений государственной языковой политики Казахстана является создание условий для овладения государственным языком всеми гражданами. С этой целью создаются центры обязательного бесплатного изучения государственного языка в соответствии с этническими, демографическими и профессиональными особенностями населения.

В рамках государственного планирования, а также развития государственной языковой политики в Казахстане приняты различные меры по казахизации нации. Во-первых, многочисленными нормативными актами, приказами и постановлениями о продлении функционирования казахского языка в так называемых контролируемых сферах коммуникации: государственное управление, делопроизводство, в том числе единая система электронного документооборота (которая затронула все предприятия и учреждения, независимо от формы собственности, сроки введения казахского языка в делопроизводство официально менялись несколько раз); вещание на казахском языке (по данным Министерства культуры, эфирное время на радио и телевидении на казахском

и русском языках в настоящее время равнозначно, однако качество программ казахского эфирного времени на казахском языке не составляет серьезной конкуренции русскому и пока не может существенно расширить свою аудиторию), а также создание во всех крупных учреждениях специальных отделов государственного языка со штатными переводчиками.

Во-вторых, проведена системная модернизация и расширение образовательной инфраструктуры на казахском языке, регламентация часов, отводимых на изучение казахского языка во всех типах и уровнях образовательных учреждений, повышение качества учебно-методической базы преподавания казахского языка (унификация типовых программ и системы обязательной аттестации владения казахским языком, лексикографическое сопровождение, массовое издание учебных материалов для различных категорий обучающихся), развитие интернет-ресурсов и дистанционного обучения, внедрение компьютерных обучающих программ в образовательный процесс и др. [10]

Таким образом, анализ развития языковой политики в странах ближнего зарубежья демонстрирует явную переориентацию государственной политики в сферу укрепления национальных интересов и снижения значимости русского языка. Данная тенденция представляется закономерной, поскольку новое поколение, определяющее современные тенденции государственной политики, больше ориентировано на прозападную интеграцию. Однако на протяжении длительного времени русский язык остается востребованным среди населения ближнего зарубежья и продолжает изучаться в образовательных учреждениях ряда стран.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильев А. Д. Российская языковая политика. 1991–2005 гг. Монография. Красноярск; 2008. 176 с.
2. Шепелёв А. Н. Роль языковой политики в современной России. *Вестник Тамбовского университета. Серия. Гуманитарные науки*. 2015;10(150):168–172.
3. Худоренко Е. А. Языковая политика России в контексте евразийской интеграции. *Политическая наука*. 2020;(2):163–182.
4. Bodean O., Soltan A. Language policy dimensions for social cohesion in Moldova: The case of gagauz autonomy. URL: https://www.vdu.lt/cris/bitstream/20.500.12259/870/1/ISSN_2335-2027_2014_N_4_PG_25-45.pdf.
5. Боргояков С. А., Бозиев Р. С. Языковое образование и национально-языковая политика России. *Педагогика*. 2018;(11):3–15.
6. Володарская Э. Ф. Модели языковой политики стран мира: сравнительно-типологический анализ. *Вопросы филологии*. 2009;1(31):24–45.

7. Низгулов Т.С. Юридические основы современной языковой политики России. Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: сборник. Пермский государственный национальный исследовательский университет; 2014.
8. Рязанцев С.В. Эмигранты из России: русская диаспора или русскоговорящие сообщества? *Социологические исследования*. 2016;(12):84–94.
9. Шамне Н.Л. Культурно-языковая и социальная адаптация мигрантов. *Власть*. 2013;(6):44–47.
10. Shelestyuk E. A review of literature on the language policy of imperial Russia and the modern linguistic situation. *Quaestio Rossica*. 2019;7(3):939–954.

REFERENCES

1. Vasilev A. D. Russian language policy 1991–2005. Monograph. Krasnoyarsk; 2008. 176 p. (In Russ.).
2. Shepelyov A. N. The role of language policy in modern Russia. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya. Gumanitarnye nauki*. 2015;10(150):168–172. (In Russ.).
3. Hudorenko E. A. Language policy of Russia in the context of Eurasian integration. *Politicheskaya nauka*. 2020;(2):163–182. (In Russ.).
4. Bodean Olesea, Soltan Angela. Language policy dimensions for social cohesion in Moldova: The case of gagauz autonomy. URL: https://www.vdu.lt/cris/bitstream/20.500.12259/870/1/ISSN_2335-2027_2014_N_4_PG_25-45.pdf.
5. Borgoyakov S. A., Boziev R. S. Language education and national language policy of Russia. *Pedagogika*. 2018;(11):3–15. (In Russ.).
6. Volodarskaya E. F. Models of the language policy of the countries of the world: a comparative typological analysis. *Voprosy filologii*. 2009;1(31):24–45. (In Russ.).
7. Nizgulov T. S. Legal foundations of modern language policy in Russia. Philology in the XXI century: methods, problems, ideas: collection. *Permskij gosudarstvennyj nacionalnyj issledovatel'skij universitet*; 2014. (In Russ.).
8. Ryazancev S. V. Emigrants from Russia: Russian Diaspora or Russian-Speaking Communities? *Sociologicheskie issledovaniya*. 2016;(12):84–94. (In Russ.).
9. Shamne N. L. Cultural, linguistic, and social adaptation of migrants. *Vlast*. 2013;(6):44–47. (In Russ.).
10. Shelestyuk E. A review of literature on the language policy of imperial Russia and the modern linguistic situation. *Quaestio Rossica*. 2019;7(3):939–954.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наталья Владимировна Юдина — доктор филологических наук, профессор, Финансовый университет, Москва, Россия
NVYudina@fa.ru

Марина Владимировна Мельничук — доктор экономических наук, кандидат педагогических наук, профессор, Финансовый университет, Москва, Россия
MVMelnichuk@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Natalia V. Yudina — Cand. Sci. (Philology), Professor, Financial University, Moscow, Russia
NVYudina@fa.ru

Marina V. Melnichuk — Cand. Sci. (Econ.), Professor, Financial University, Moscow, Russia
MVMelnichuk@fa.ru

Статья поступила 02.11.2020; принята к публикации 30.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 02.11.2020; accepted for publication on 30.11.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.